

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, 15 декабря 2001 г.

В нем соединились Дон Кихот и Санчо Панса, Пьеро и Буратино, трагик и шут, лирик и буян. Лев Дуров — наследник знаменитой фамилии, виртуозный мастер анекдота, стреляный воробей, большой русский актер. Его энергетика заполняет собой любое пространство, его голос щекочет слух, его мимика тербит лицевые мышцы зрителя. Детство, проведенное на голубятне, дает о себе знать. Имя Лев полностью оправданно. Он всегда готов ринуться в битву. Его достоинства — не список качеств, а единое целое.

Лев Дуров остался в той счастливой категории артистов, которых экран не утратил. За последние пять лет в списке его киноработ появилось около двадцати новых названий, в том числе блестящая роль в фильме Виталия Мельникова «Луной был полон сад»: неоднозначный, несовпадающий со временем герой в

вечнозеленой, долгоиграющей и всякий раз непредсказуемой ситуации любовного треугольника. К грядущему семидесятилетию он готовится без лишнего пафоса: «Мне этот юбилей надо бы проскочить с юмором и побыстрее. Потому что какой-то итог подводить неохота, да и ни к чему».

— Лев Константинович, многие ваши коллеги не смогли адаптироваться к новому времени, к условиям рынка и остались на обочине. Как удаётся вам сохранять тонус?

— Ну, во-первых, я тоже не адаптировался к рынку. Как жил своей актерской жизнью Счастливцева и Несчастливцева, так и продолжаю ей жить. Выбирая такую профессию, ты заранее обрекаешь себя на небогатое будущее. Актер, который начинает заниматься бизнесом, перестает быть актером, у него глаза, как счетчик. Так что, наоборот, на обочине остались многие из тех, кто адаптировался.

— Вы в любой компании чувствуете себя естественно?

— Абсолютно в любой. Потому что сам привык общаться со всеми на равных и другим не позволяю вести себя иначе. Я никогда не давал повода начальству разговаривать со мной сверху вниз или панибратски.

— А начальство не обижалось?

— Еще как обижалось. В Министерстве культуры даже прозвище мне придумали — «народный бандит республики». Я их посылал, когда они на меня напирали, и никогда не подчинялся. Моему директору часто говорили: «Обуздайте Дурова!» На что он отвечал: «Каким образом — он ведь не член партии?»

— За что вас хотели обуздать?

— Меня всегда поражал маразм чиновников. Например, перед съемками «Семнадцати мгновений весны» в ГДР меня первый раз в жизни вызвали на выездную комиссию в райком партии и стали задавать вопросы. Первый вопрос: опишите флаг Советского Союза. Я посмотрел на тетю и дядю, сидевших за столом, и страшно удивился — как же они меня, гражданина страны, просят описать советский флаг. Они сомневаются: знаю ли я, как он выглядит? Вот и ответил им соответственно: черный фон, белый череп и две скрещенные берцовые кости. Называется «Веселый Роджер». Тогда они попросили меня вспомнить союзные республики и их столицы. Я перечислил: Тула, Малаховка, Калинин. Они все равно не унимались и предложили мне назвать членов Политбюро. Я добил их фразой, что никого из членов Политбюро не знаю и знать не хочу. В итоге в ГДР меня не пустили, и Слава Тихонов «застрелил» меня на родине. После этой истории я сказал директору театра: «Больше ни на одну комиссию не пойду, потому что повторится очередной скандал». И, действительно, не ходил. Не знаю уж, как там мой директор за меня отбояривался.

— А за границу ездили?

— Конечно. А куда им деваться? Я же ведущий артист в репертуаре. Вон Галина Волчек в свое время отменила гастроли труппы. Тогда пошел дурацкий слух, что кто-то из ее актеров хочет остаться за границей, и ей поставили условие: либо вы его заменяете, либо вообще не едете на гастроли. Она отказалась от поездки и правильно сделала. Существует же какая-то гордость, честь. Почему надо подчиняться идиотам?!

— Ершистый же у вас характер...

— Только когда меня целляют. Первым я не начинаю. Но уж коли кто задел — тогда, ребята, получайте сполна. В ответ на хамство я всегда старался как можно скорее дать по морде. Сейчас уже годы не те, но если что — в глаз съездить могу.

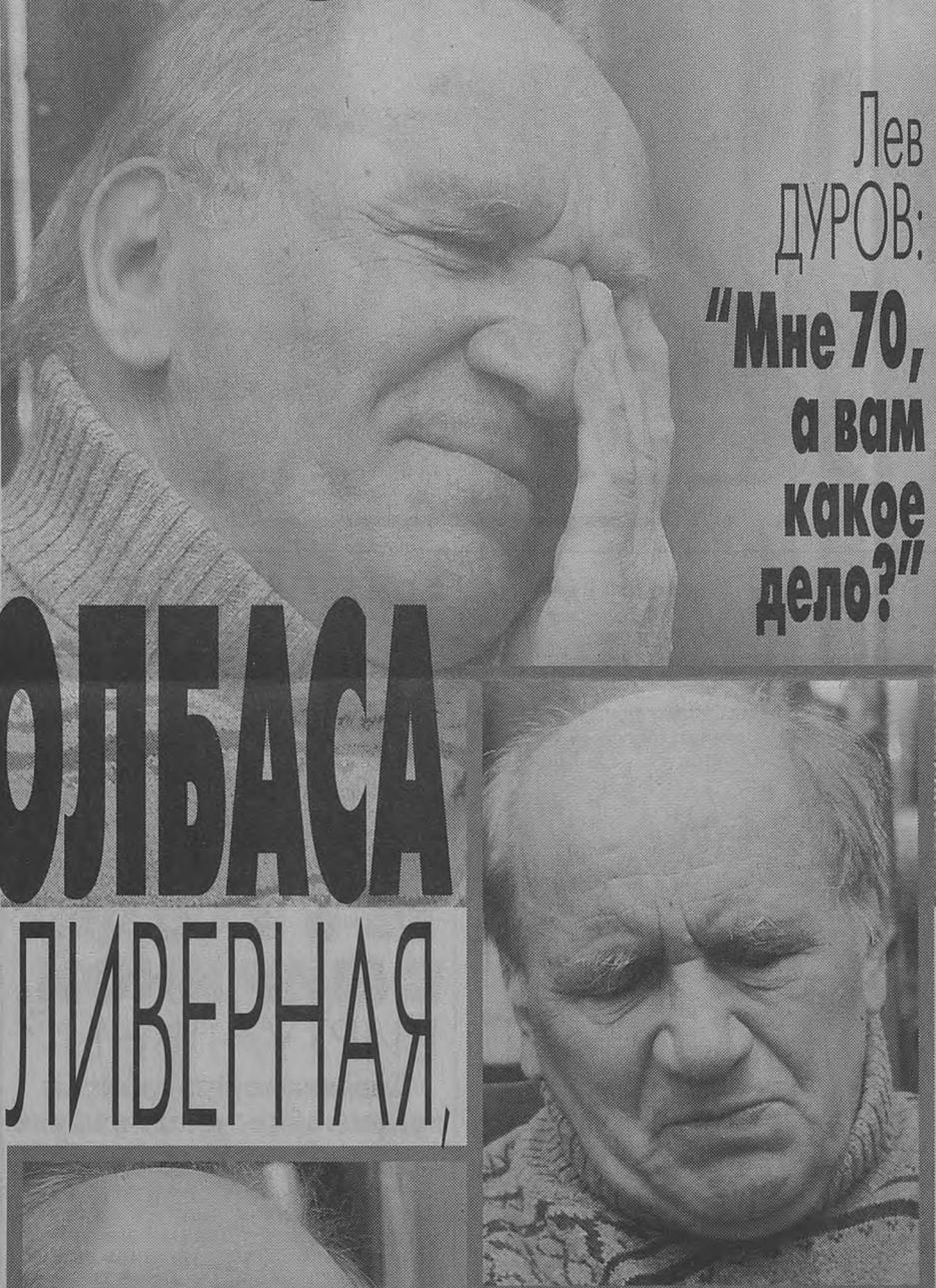
— Я слышала, что после съемок в кино вы редко сохраняете дружеские отношения с режиссером. — Мне кажется, что моя дружба с режиссером станет его обязанностью. Начиная новую картину, он будет думать, что я жду от него приглашения. А зачем мне кого-то собой обременять? Поэтому с режиссерами я всегда тепло и хорошо расстаюсь, а дружу с операторами — с Борей Бражовским, с Толей Мукасеем, с Толей Заболочкиным, который снял почти все картины Василия Шукшина.

— А правда, что вы можете нахамить режиссеру на съемочном площадке?

— Я?! Нахамить????! А-аа! Понял, о чем вы говорите! Это был единственный случай в моей жизни. Да и не хамил я, просто так получилось. Я играл главного инженера железноделательного завода: снимали в прокатном цехе, с огромной массивкой, прокатывали железнодорожные колеса. По заводскому ритуалу первое колесо летит над цехом с красным знаменем, а потом опускается. Режиссер мне кричит: «Лева, когда колесо спустится, поцелуй его во втулку». Я сразу представил себе, как, обняв железнодорожное колесо, я целую его во втулку. И мне стало плохо. Взял я рупор и на весь цех ответил: «Я поцелую его при одном условии: если ты сейчас подойдешь ко мне, я спущу штаны, и ты поцелуешь меня во втулку». Он тут же объявил перерыв и долго со мной не разговаривал. Но потом сам понял абсурдность своего предложения, ну и простил...

— На сцене вы позволяете себе колоть партнеров?

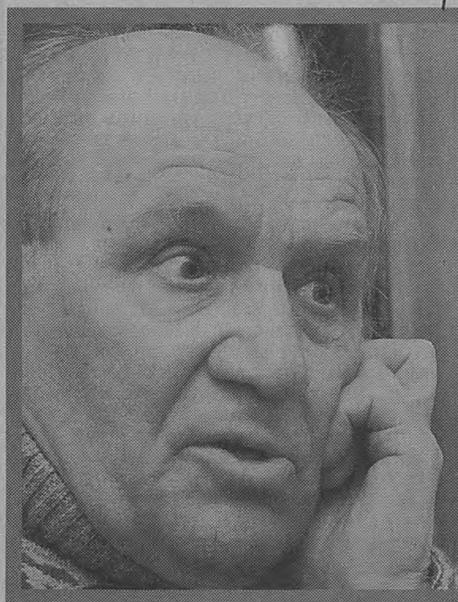
— Это возможно только в спектаклях, допускающих подобные шутки. Вообще я против розыгрышей на

Лев ДУРОВ: «Мне 70, а вам какое дело?»

КОЛБАСА

ЛИВЕРНАЯ

сцене. Правда, был один случай, когда из-за меня закрыли занавес. Я тогда работал в Центральном детском театре, и Олег Николаевич Ефремов постоянно меня разыгрывал. Я открывал дверь, произносил реплику, и всякий раз в этот момент он мне тихо говорил «колбаса». И я тут же начинал колотиться. Странная штука — чем глупее острота, тем актеру на сцене смешнее. «Колбаса» стала моим любимым местом, и одна актриса поделилась со мной опытом: «Левочка, я тоже когда-то была смешливой, это надо сломать. Вы должны либо так же тихо ответить ему, либо просто пересилить себя». Я долго настраивался, и как только Олег в очередной раз собрался говорить свою «колбасу», я шепнул ему: «Ливерная». И все! Он упал на сервант, стал выть, заорал: «Закройте занавес!» На следующий день я получил строгий выговор за нарушение художественной целостности спектакля. Шах-Азизов, великий театральный директор, отчитал меня: «Как же так, вы молодой артист, только что пришли в театр, а позволяете себе шутить над таким мастером, как Олег Николаевич». Я с детства знал, что стучать — это самое тяжкое преступление, и, конечно, молчал. Олег Николаевич тоже молчал и делал вид, что все нормально: я его рассмешил, и я, негодяй, во всем виноват.

— У вас, я знаю, было боевое детство. Какие еще уроки вы пронесли через всю жизнь кроме того, что нельзя стучать?

— Не быть равнодушным. Не быть свиньей по отношению к своему городу — я никогда в жизни ничего не брошу на землю. Не бояться. Меня выгоняли из многих школ, и каждый раз в новой школе сверстники проверяют чужака на крепость. Однажды я сцепился практически с целым классом. Они были мерзавцы и поперли на меня все сразу. Сами понимая, драться одному с целой толпой трудно. Но я уже имел навыки и встал спиной к стене. Тут главное не струсить, не дать слабым и выстоять. И я выстоял, и потом уже все знали, что Седого лучше не трогать.

— А почему сверстники звали вас Седым?

— Волосы выгорали. Их тогда много было, и летом они становились почти белыми. Кстати, с волосами у меня однажды потрясающая история приключилась. Мои друзья, ныне покойные акробаты братья Воронины, специально ездили в Тбилиси к какой-то тете и приперли оттуда мазь для волос — для акробатов волосы очень важны, в парике не попрыгаешь. Я как раз уезжал на гастроли, и на вокзале они вручили мне банку такой мази. Вонича чесночная шла от нее — ужас! В соседнем купе ехали Смирнитский, Сайфулин, Мартынюк и Кашинцев, выпивали по дороге, ну и пришли ко мне за закуской. Я говорю — нет ничего, а они — а это что, в банке? Я честно признался — мазь, чтобы волосы выросли. Они поржали — вот, мол, старый дурак, волосы у него вырастут! И убежали. Я ночью проснулся, смотрю: висит сценический шиньон моей соседки по купе Ольги Михайловны Яковлевой. Думаю — ну, ребята, вы попались. Парик лег на меня

ВОЛОСА ПО ПОЯС

просто идеально: роскошные длинные волосы по пояс, мой цвет. В шиньоне, с голым торсом стучу к ним в купе. Валя Смирнитский сверху свесился, открыл дверь, я вошел: «Ну что, гады, вы мне не верили?!» Реакцию помню до сих пор — кто заплакал, кто сказал: «Допились, белая горячка». А Смирнитский упал с полки и сломал локоть и все гастролы проходил в гипсе. Только Кашинцев поднял голову спросонья и изрек: «А что? Это жизнь». Башкой об стену стукнулся и снова заснул. Представляете впечатление людей после обильной выпивки — они уверовали, что за три часа у меня выросли волосы.

— Работу в ЦДТ вы начинали как все — с грибочков и елочек?

— А как же! У меня до сих пор сохранились афиши спектаклей, где я чеснок, молодой огурец или репей. Кстати, это очень хорошая школа. В детском театре все молодые актеры проходили через «зад лошади». В «Коньке-Горбунке» у нас были кони, которые состояли из двух частей. Первая часть — актер стоит в полный рост, с конской головой на башке. А вторая часть, то есть зад лошади, — актер стоит согнувшись и держит первого за талию. Нетрудно себе представить, что мог выторвать под попоной впереди стоящий в адрес сзади стоящего. А тот должен был все это терпеть.

— Долго у вас длился такой период творчества? Некоторые полжили сидят в «молодых огурцах».

— Нет, я довольно быстро попал в руки к Анатолию Васильевичу Эфросу, что определило мою судьбу в театре. Он пригласил меня в спектакль «В добрый час». А когда ты попадаешь в человеческую пьесу, да еще к очень серьезному режиссеру, сразу переходишь на другую орбиту: плодово-ягодный период заканчивается. Точно так же и в кино. Когда Ромм взял меня на маленький эпизод в «Девять дней одного года», моя судьба в кино поменялась — я стал актером Ромма. А это — ой-ой-ой!

— Почему ваш учитель Эфрос ругал ваши режиссерские работы?

— Он обрушился на первый мой спектакль «Занавески». Толком не знаю, почему он ему не понравился. Но после худсовета, где он меня расчиховил, я все равно сказал: «Анатолий Васильевич, я вас обожаю, но если б мне снова попала в руки пьеса Миши Варфоломеева, я бы ее обязательно поставил именно так». Это была первая правдивая пьеса о деревне: там и повальное пьянство, и самоубийство, и насилие. С одной стороны, больно было слышать такие слова от моего мастера, но с другой стороны — зал-то весь рыдал. Значит, людей что-то цепляло.

липпова, где он обрушивается на Когана — директора нашего Театра на Малой Бронной. И делает ошибку за ошибку: мол, Коган расстался с Женовачем, потому что его не устраивал репертуар. Какой репертуар?! Директор никогда не вмешивается в такие вопросы, только советует. Когана не устраивало совсем другое: то, что Женовач стал работать только со своими актерами и не захотел объединить труппу. Вот в чем состоял конфликт. Однажды у одного журналиста на дуэль вызывал: он написал откровенно лживую рецензию на мой спектакль, даже не посмотрев его. А когда его спросили, зачем он это сделал, он ответил: нужно было Дурова поставить на место. Я послал ему вызов и предупредил: если не примешь, я найду людное место и набью тебе морду. Но он, конечно, трусился. А теперь я уже рукой махнул — пусть пишут что хотят.

— Сейчас вы готовите бенефис, спектакль к семидесятилетию. Вы собираетесь почитать на лаврах или все равно волнуетесь?

— Конечно, я боюсь. Какие там лавры, что вы! Чем больше ты работаешь в театре, тем страшнее. Я помню, как Евгений Перов — потрясающий актер — стоял сзади меня за кулисами, мы оба ждали выхода, и вдруг я услышал странный стук. Поворачиваюсь, а у него зубы стучат от волнения. Я обомлел: ну если уж он волнуется, что ж тогда делать мне!

— Почему ваш выбор пал на пьесу Дюрренматта «Метер»? —

— Ее предложил Андрей Житинкин, вся затея принадлежит ему от начала до конца. Я знал эту пьесу и раньше, но, как ни странно, стал читать и увидел на экземпляре штамп — «Право первой постановки принадлежит Театру на Малой Бронной». Я вычислил: наверное, когда-то его хотел играть Борис Михайлович Тенин, но потом, видимо, перекинулись на «Визит дамы», потому что там была роль и для Сухаревской.

— Однако в «Метере» нашлись роли для всей вашей семьи: для жены, дочери, зятя — Владимира Ершова. Кстати, вы находите общий язык с зятем?

— Мне с ним легко и на сцене, и в жизни. Думаю, что я хороший тестя. А остальное у него надо спрашивать.

— Проблема отцов и детей возникала в семействе Дуровых?

— Да никогда в жизни! У нас дома никаких конфликтов не бывает, ни одного скандала, ни разу! Я правду говорю. Конечно, случается, что я повышаю голос, дочка тоже имеет такую склонность — наверное, от отца унаследовала. Она иногда бывает очень резкой, что ей не идет. Но мы не ссоримся. И когда я был цаном, мой папа с мамой тоже никогда не ругались. Слово «деньги» в доме не произносилось вообще.

— Вы 47 лет в браке, но почему-то не носите обручального кольца...

— У меня в семье никто цацек не носит. Ни на ком вы не увидите ни кольца, ни серег, ни макияжа, ничего — не принято. Обручальные кольца просто лежат дома. Я не понимаю, как мужчины могут надевать украшения. Пусть на меня никто не обижается, но когда я вижу молодого человека с кольцами в ушах, во мне рождается что-то странное.

— Сейчас у вас есть работа в кино?

— Пока ничего. Но я на сей счет совершенно не переживаю. Значит, сейчас не мое время. К этому надо относиться философски.

— К актерским званиям и наградам — тоже?

— Конечно. Однажды мы с Михаилом Александровичем Ульяновым разговаривали о званиях и пришли к одному выводу: их надо отменить. Когда дают — конечно, приятно. Но вообще-то их придумали для того, чтоб посеять рознь среди актеров и чтобы легче было ими управлять. У меня был один показательный случай, когда я пришел работать в ЦДТ. Тогда проходило много всяких шефских концертов. И однажды, когда надо было ехать на фабрику, я восстал: не поеду. В армию поеду, в милицию поеду — там у людей служба. А почему я должен выступать на заводе? Вот и они сошьют мне шефское пальто или шефские ботинки, тогда и я к ним приеду с концертом. Вскоре в театре произошла тарификация, то есть повышение окладов. Из четверых молодых актеров тарифицировали всех, кроме меня. Было ли мне противно? Да, только к себе сказал: «Тихо, Лева». И молчал. Через некоторое время директор вывешивает одну тарификацию, в которой значусь я один. Кто-то из троих оставшихся побегом к нему: «Как же так? Почему вы повысили Дурову, а нам нет?». На что он ответил: «А вот когда я вам повысил, а Дурову нет, он ко мне не пришел. И ни слова не сказал. Так что — пошли вон!». Букавально через месяц он опять вывесил тарификацию и снова — меня одного. Это было не самодурство, а меткий педагогический ход: раз один не жалуетсь, почему другие бегают и требуют? Мне было неприятно, клянусь, что мне вторично одному повысили зарплату. Но я этот урок запомнил: лучше не лезь, переживи. Знаете такой стихок: «Актер прибавку попросил, зажав в груди и боль, и муку, но ... директор положил в его протянутую руку».

— Правду говорят, что после инсульта у вас были проблемы со зрением?

— Да, они так и остались. Боковое зрение нарушено.

— На сцене это дает о себе знать?

— Я иногда шучу, что всех своих партнеров узнаю по запаху. От одного портвейном тянет, от другого — перерегаром. Шутка. На самом деле ничего страшного, все нормально. Единственное ограничение: я вот уже четыре года не сажусь за руль — опасно, можно сбить человека, если бую не видишь. Я три года не ездил, потом выехал, тут же вмазался в какую-то машину и понял, что лучше не рисковать. Так что теперь езжу на троллейбусе.

— Вы не курите и не пьете?

— Почему же? Я что, выгляжу таким больным и ненормальным? Курить я действительно не курю, хотя с восьмью лет делал это официально, и никто не запрещал. Потом надоело, бросил. А выпить могу. Но для меня алкоголь — ерунда, я совершенно не понимаю, как можно от него зависеть и что такое запой. Даже после изрядного количества выпитого у меня никогда не было тяжелых похмельий. В моем организме все перерегарует, и я чувствую себя прекрасно. Как ни странно, самые удачные репетиции случались именно после бурных застолий.

— Скажите, а сочинение одностий — ваше новое увлечение?

— Да так, дуракавалание. В один присест написал несколько, и больше ничего в голову не приходило. Только вот к юбилею сочинил новое одностийе, очень веселое: «А я неплохо выглядел в гробу». Но моя дочка Катя его забрала и придумала лучше: «Ну, съездеться, а вам какое дело?» И я взял его на вооружение!

Катя ПРЯНИК.
Фото Михаила КОВАЛЕВА.